

«Кинотавр». Претенденты. «Дневник его жены»

Последний день фестиваля. За выходные-праздники плотность показа возросла вдвое, и основные комментарии переносятся на финал. Сегодня будут оглашены имена победителей — шепчутся, что на Гран-при всерьез претендуют «Лунный папа» Бахтияра Худойназарова и «Дневник его жены» Алексея Учителя — о последних годах Бунина. О нем наш рассказ.

Денис ГОРЕЛОВ

У Ивана Алексеевича Бунина был прескверный характер. Об этом вспоминали все современники, но больше всего веры Чуковскому, который писал для детей и в завистники не годился. Первый из русских литераторов нобелевский лауреат не отвергал революцию и не боялся ее, а истерично и взвинченно на нее обижался, как балованный ребенок на бессловесную и вдруг всплывшую няню. Таял нежностью к себе, тиранил близких, безбожно гонял поклонников, поедом ел благосклонных коллег. В голодный год в гостях мог пробраться на кухню и тайком, по-лоханкински, умять все сготовленные на благородное собрание бутерброды. А после садился за стол и писал виноватую мужскую прозу о соблазненных и покинутых. Гений, нормально. Лермонтов, Достоевский и Шукшин тоже не славились добрым нравом и личную память о себе оставили, прямо скажем, всякую. «Какой же ты тяжелый», — сетовала, переворачивая мужа в купе, супруга Вера Николаевна в зачине фильма Алексея Учителя по сценарию Дуни Смирновой «Дневник его жены».

У играющего главную роль Андрея Сергеевича Смирнова характер тоже не всегда ангельский. Как зыркнет сычом — и смешно, и боязно. Сам тоже нервный, желчный, на революцию злой — страсть. Перессориться на пустяках с ближними и дальними, обложить с трибуны господствующий строй, сохранившись в памяти человеческой режиссером всего одной картины — это по-его. Зато картина та — «Белорусский вокзал», про шершавых, немолодых и несовременных людей, к которым встречный все равно обязан приспособливаться, иначе он не человек, а дешевка. Смирнов, чай, Бунина понимал: хороший характер — у литсекретарей. И ведь в самом деле внешне похожи. Как на него роль, по размеру.

Фильм делали не артисты Смирнов, Москвина и Тюнина, сценаристка Смирнова и режиссер Учитель, а папа Дуни, жена Сережи и сестра Никиты под началом сына видного документалиста Ефима Учителя на либретто дочки Андрея Сергеевича. Эта назойливая семейно-соседская интонация край-

не близка единственному на всю родную речь невздорному Антону Павловичу и совершенно необходима в сюжете о бунинском имении в Грассе.

Иван Алексеевич живст большим домом с женой Верой Николаевной (Тюнина), как бы Ученицей Мастера, а на деле женой-2 Галиной (Ольга Будина), юным Елиходовым — Поклонником Таланта Гуровым (Евгений Миронов), любовницей Галины актрисой Маргой (Елена Морозова) и приходящей рантье Соней (Москвина). Иначе он жить и не может, ибо, в отличие от России, всем этим людям в самом деле не на что существовать или вот-вот отвернут голову уже дважды интересовавшиеся национальностью немцы. Всех их он терпеть не может, обижает, обижается, скандалит, топает ногами, сбегает от них к любимой приبلудной собачке-мочалочке, ежедневно писающей Вере Николаевне в постель, и нудит, и нудит: «Единственный собеседник — радио. Хотел застрелиться — не дали. Даже спиться не получается — дорого!» И сам же чахнет без них без всех, в плед кутается, стареет на глазах: нет хора — нет солиста. Это очень по-писательски: у внимательного, чуткого и вполне бесстыдного для обнародования нутряной мути Виктора Ерофеева встречается это самоупоеание слабостью, нежностью, капризностью, щедростью, бисексуальностью, гипертрофированным эгоизмом богатого и талантливого мужчины. Человека, долго вырывавшего у жены карманный пистолетик, чтоб застрелиться с горя измены, а после вспомнившего своих героев-самострелов — художников и офицеров — и устыдившегося пошлости и глупости мизансцены. Человека, скармливающего собаке последний помидор на глазах голодных домочадцев. Человека, ненавидевшего большевиков за скопчество и бесчувствие: «Женщину любишь — так со всеми слезами, истериками, толстыми ляжками! А им — нет, им идеал подавай!!»

Человека, еще способного среди общей аморфности века и поколения прыгать, хохотать, взрываться, повелевать, плакать, собачиться, дуться, прощать, терпеть, писать, наконец.

Мужчины, да.